

12-АПР 1973

ОТ

К 150-летию со дня рождения А. Н. ОСТРОВСКОГО

Я НЕ ПРЕУВЕЛИЧУ, если скажу, что весь мой сценический путь освещен драматургическим талантом Островского. Нет такого другого автора, в пьесах которого я сыграл бы столько ролей. Он вошел в мою жизнь еще тогда, когда я только начинал свои первые шаги на сцене у режиссера В. Г. Сахновского, получив роль Тихона в «Грозе».

Работая я над образом долго, кропотливо. Сегодня нашло одно решение, но наступало завтра, и я его отвергал. «Грозе» я обязан первым настоящим успехом. Он окрылил меня, придал новые силы в работе над другими ролями, а глубокий интерес к пьесам Островского я сохранил на всю жизнь.

Лично мне представляются заслуживающими внимания те произведения великого драматурга, в которых показаны определенные качества, вообще свойственные человеческой природе и проявляющиеся при определенных обстоятельствах. Такие спектакли всегда поучительны и, несомненно, имеют большое воспитательное значение.

Будет очень хорошо, если учителя не станут ограничиваться тем, что предусмотрено школьной программой, и привлекут внимание учащихся к творчеству Островского в целом. Из его произведений нынешняя молодежь может почерпнуть для себя много полезного, конечно, при правильном руководстве со стороны учителя. Желательно, чтобы пьесы Островского вошли и в репертуар школьных драматических кружков. Это поможет учащимся лучше понять произведения великого драматурга.

Пьесы Островского учили меня актерскому лаконизму, выразительной простоте. Играя в них, я постепенно избавлялся от чрезмерного увлечения трюками, комикованием, всякого рода «актерскими би-рюльками». Ведь образы Островского очень жизненны, правдоподобны. Такими же «настоящими» они должны быть и на сцене. Совсем отказываться от трюков в пьесах Островского тоже необязательно, но тогда они должны быть оправданы самой природой образа. Так, например, играя генерала Крутицкого в «На всякого мудреца довольно простоты», я цапал на ноги дверь в тот момент, когда с упоением декламировал Озерова, подрыгивал ногой после любовных воспоминаний в сцене с Турусиной, дирижировал линейкой, слушая, как Глумов произносит зауценный отрывок. Таким же естественным для пьесы Мурашевского в «Волках и овцах» был момент, когда он, пятясь к рампе, едва не падал со сцены. Однако когда я попытался уходить со сцены на четвереньках, ища

собаку Тамерлана, то П. М. Садовский предостерег меня от подобного угождения низким зрительским вкусом.

В «Лесе», который ставил В. Э. Мейерхольд, я играл Аркашку. Этот спектакль был первой постановкой, в которой режиссер начал свои эксперименты с классикой. Я исполнял куплеты из водевилей и старинных оперетт (например: «Когда я был Аркадьем принцем, любил я очень лошадей, скакал по Невскому проспекту, как угорелый дуралей»), ловил несуществующую рыбу несуществующей леской, выскикавал на сцену в черном трико, изображая черта. Мейерхольд

В наивной уверенности и безапелляционной важности, с которой он проповедует свои принципы, по-моему, и заключается смысл этого образа.

За долгие годы работы в театре я убедился, что ни внешние эффекты, ни собственное мастерство не должны быть для актера самоцелью. Главное для него — жизнь образа. Только глубоко раскрывая ее, он может привлечь к себе внимание и заслужить любовь зрителей.

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ нередко приходится слышать разговоры о том, что классики устаревают, что произведения, написанные в прошлые

сти. Очень уж мелкий и узкий у нее взгляд на литературу. Видимо, педагог школы, где она училась, раскрывал произведения классики сквозь призму махового мешанства. Впрочем, может быть, он полагал, что таким образом воспитывает у своих питомцев нравственность...

Конечно, научить школьников глубоко проникать в суть художественного произведения — непростое дело. Для этого, прежде всего, сам педагог должен обладать широкой точкой зрения. Но это уже другой вопрос. Я же хочу сказать, что человек, не получивший надлежащей эстетической под-

когда она выходит за рамки своего прямого назначения и бесцеремонно вторгается еще и в авторский текст и замысел. Островский сам достаточно талантлив как драматург и не нуждается в таких «соавторах».

Сейчас в Малом театре готовится новый спектакль «Лес». Это будет моя третья встреча с замечательной пьесой. Меня привлекают затронутые в ней проблемы, которые не устареют и по сей день. Драматург показывает мешанское благополучие, построенное на ханжестве и лицемерии, наигранное внимание к человеку, фальшивую любовь даже близких людей. «Лес» открывает перед постановщиком безграничные возможности творчества, разумеется, при условии верности авторскому замыслу.

В этой комедии великий драматург обнажил потаенные стороны жизни общества, скрытые за внешним фасадом благопристойности и прекрасноты и в то же время совершенно нелепые, несоместимые с подлинно человеческим представлением. Так и у Бальзака «Человеческая комедия» названа трагедия.

Островскому представляется комедийным, что в современном ему обществе господствуют законы античеловеческие, что обществом этим правят люди невежественные, аморальные, жестокие. Не случайно Несчастливцев называет Гурмыжскую и все ее общество комедиантами. Отношения в этом обществе уродливы и смешны. Для писателя все это настолько очевидно, что он не может только негодовать. Своей комедией он призывает нас искренне смеяться над наивностью тех, кто считает подобное положение нормальным, смеяться над глупостью тех, кто склонен мириться со всем этим безобразием.

При постановке классики на современной сцене необходимо руководствоваться тем непреложным законом, что классика не существует вне времени и пространства, как это пытаются представить некоторые горе-новаторы. Она не может быть вневременна, потому что при этом нарушается основной закон искусства и литературы, сформулированный еще Ф. Энгельсом, — изображение типичных характеров в типичных обстоятельствах.

МАЛЫЙ ТЕАТР, перед которым стоит памятник Островскому, называют «Домом Островского». Мне радостно сознавать, что и сегодня великий русский драматург по-прежнему живет не только в своем доме. Родным домом для его пьес стали все театры нашей страны, а также театры многих стран мира.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ, народный артист СССР

КАК ЖИВОЙ
С ЖИВЫМИ...

трактовал Аркашку, как бесшабашного гаера и забудыжку. По молодости лет я тогда слишком увлекся буффонной стороной этой роли и, что называется, перебрал. И не удивительно, что за трюками, вызывавшими смех в зале, пропал Аркашка-человек, терялся замечательный текст Островского, не чувствовалось той щемящей тоски, которая тайлась в душе Аркашки — талантливого актера, обреченного на скитания. У зрителей не возникало жалости и сочувствия к этому несчастному человеку. Но это была только частность, которая не делала погоды в спектакле. Зрители хорошо приняли его: он не сходил со сцены много лет.

В «Доходном месте» я играл Юсова. На первых порах он получился у меня чрезмерно злым и волевым. Это было прямолинейное решение образа, оно объяснялось тем, что в ту пору царило увлечение вульгарной социологией. Не избежал этого и постановщик спектакля, решивший подправить драматурга. Он старался надеть на чиновника черт, которые не были присущи драматургии Островского. Постепенно, углубляясь в образ Юсова, я понял, что это по-своему добрый человек, хотя и использует каждую возможность, чтобы брать взятки, пресмыкается перед начальством и молится богу по принципу: «не согрешись — не покаешься». Юсов искренне верит, что «правильно живет» и являет собой «патриарха» такого образа жизни.

века, непонятны нынешнему поколению и поэтому нуждаются в осовременивании. Только таким путем можно, дескать, возродить к ним интерес. Возникновение подобных взглядов и реализация их на сцене некоторыми театрами имеет свои, как мне кажется, причины.

Одно время у нас в школах классику преподносили учащимся просто как иллюстрацию социально-экономических процессов. Художественные особенности произведений раскрывались мало. То, чем, собственно, отличается и характеризуется художественное произведение, оставалось в этом случае для молодых людей тайной за семью печатями. Но может встретиться и другая крайность, когда к литературе подходят с приземленных позиций мешанства.

Вспоминается статья, промелькнувшая в молодежной газете. Там приводилось письмо школьницы, которая категорически заявляла, что хочет иметь собственное мнение о «Грозе» Островского и не согласна с Добролюбовым. Катерину она считала безнравственной и аморальной женщиной, поскольку та изменяет мужу. «Какой же она светлый луч?» — спрашивала школьница. В драме «Гроза», в которой отражена целая эпоха, девушка увидела только измену жены мужу и поэтому считает образ Катерины отрицательным. Мне искренне жаль эту школьницу, получающую аттестат зрело-

готовки, не наученный понимать, анализировать и чувствовать тончайшую и сложную ткань романа, рассказа, поэмы, стихотворения, пьесы, не способен увидеть в них вечное, то, что всегда «тленья убежит». От одной мысли, что произведение написано когда-то давно, он утрачивает к нему всякий интерес, считает, что не может почерпнуть из него что-либо полезное для себя. Бывает, что молодежь укрепляется в таком мнении как раз тогда, когда знакомится с классической пьесой в «современной» интерпретации.

Есть, к сожалению, режиссеры, которые стремятся во что бы то ни стало внести в классику собственную лепту. Считают, что она должна быть непременно модернизирована, иначе не будет понята современным зрителем. Например, в Московском театре имени А. С. Пушкина спектакль «Невольницы» «приблизили» к нашим дням, прибегнув к телефонизации места действия. Одна из артисток вместо того, чтобы произносить монолог, как это полагается по пьесе, выкладывает его содержание по телефону, хотя появился он в России много позже того времени, которое изображено в пьесе.

Подобные, я бы сказал, нелепости приводят, в конечном счете, к развенчанию классики в глазах нового поколения. Лично меня интересует сам Островский, а не соавторство режиссуры на его материале,